

В.А. Кожевников

Календарь «Евгения Онегина»...

Целая цепь фактов однозначно указывает, что действие последней главы происходит зимой 1830 года, а ее окончание приходится на весну («Весна живит... Играет солнце; грязно тает/На улицах разрытый снег») 1831 года.

«...Давно ж ты не был в свете», – говорит Онегину муж Татьяны, генерал, «родня и друг» Евгения.

Действительно, давно... Шесть лет!

Конечно, это неожиданно и, может быть, даже странно... Что делать! Пушкину было бы легко убрать все временные приметы, о которых шла речь, или заменить их другими. Однако он этого не сделал. И странен наш вывод не с точки зрения текста романа, а лишь по сравнению с традиционно принятой хронологией.

Между тем именно длительный перерыв во времени действия убедительно объясняет превращение Татьяны Лариной («Как изменилася Татьяна») из уездной барышни в светскую даму, «законодательницу зал». Быстроту этого превращения критики, начиная с П. Катенина, считали чуть ли не поэтическим просчетом Пушкина. И Пушкин как будто бы даже согласился с такими упреками, предварив «Отрывки из путешествия Онегина» весьма многозначительным предисловием:

«Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России <...>

П.А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение <...> вредит однако ж плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным. — Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оною, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики».

Конечно же, предисловие написано не для того, чтобы отметить проницательность «тонкого критика и опытного художника». Пять раз — в таком-то коротеньком предисловии! — говорится о «пропущенных строфах», о «выпущенной главе», да и название главы намеренно подчеркнутое — «Отрывки...».

Вернувшись к хронологии, предложенной нами, мы легко поймем, почему Пушкин настойчиво обращал на это внимание читателей «по причинам, важным для него»: глава охватывала время, включающее события 1825 года и последующих — тему для рассказа трудную, не говоря уж о том, что запретную!

Итак, из романа «выпущена» не только целая глава — «выпущено» шесть лет.

Это позволяет и обойти тему декабризма, и сделать «переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме», естественным и понятным (что, однако, осталось критиками не замеченным). Не менее важно другое.

«Календарь Онегина» показывает принципиальный характер незавершенности романа. Сюжетно, в «вымышленном повествовании», «Евгений Онегин» доведен до логического окончания. Но, предваряя первую главу замечанием: «*Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено*», Пушкин, видимо, имел в виду не столько развитие сюжетных событий, сколько развитие в «вымышленном повествовании» реальной «исторической эпохи», один «день» которой длится дольше человеческой жизни.

«Евгений Онегин» — это роман о любви, о жизни и смерти.

Но это и роман исторический. Это — картина русского общества, изображенного в переломный исторический момент, в разные исторические эпохи: до и после восстания декабристов.

На это указывает логика «романного» времени.

Итак.

В каком году родился Онегин?

Как мы помним, герой отправился путешествовать, «дожив... до двадцати шести годов», то есть имея отроду то ли 26, то ли около 26 лет.

Случилось это после дуэли, которая, по нашим расчетам, была в 1824 году. Стало быть, Евгений родился то ли в 1798, то ли в 1799 году (год рождения Пушкина!).

Здесь необходимо отметить, что иногда рождение Онегина относят к 1801 году, поскольку строки XXIII строфы первой главы:

Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет, —

говорят о комнате «*петербургского молодого человека в конце 1819 года*».

Однако, как комментирует Ю. Лотман, следует иметь в виду, что

«...год-два, уже выезжая в свет, молодой человек все еще вел жизнь полуробенка, живя в родительском доме и не располагая собственными денежными средствами. Около 18 лет он полностью переходил на положение самостоятельного человека, получая от родителей выделенную ему сумму собственного годового бюджета. Видимо, <...> когда Онегину исполнилось 18 лет, он зажил самостоятельно. На это указывает то, что, описывая «уединенный кабинет» <...> героя, автор указывает именно тот возраст Онегина, когда он покинул родительский кров, где в его распоряжении могли быть лишь детская и учебные комнаты, и завел себе модный

...кабинет
Философа в осьмнадцать лет».

Короче говоря, все, что мы видим в модном кабинете, было приобретено юным «философом» ранее времени действия — тогда, когда ему исполнилось «осьмнадцать лет», когда он начал рассуждать,

Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет,

и, так «философствуя», обставлял свой кабинет на деньги отца, полученные от залога земель.

1805, осень, — год рождения Владимира Ленского, поскольку летом 1823 года ему «без малого... осьмнадцать лет», а зимой 1824 года, во время дуэли, ему уже «осьмнадцать лет»:

...пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно.

Конец 1805 года или начало 1806 года — дата рождения Татьяны Лариной. Старшую дочь Ларины назвали в честь Святой Мученицы Татианы. «Татьянин день» отмечали 12 января¹; девочек, родившихся в близкие к этой дате дни, при крещении нарекали, как правило, ее именем. А летом 1823 года, когда Татьяна пишет Онегину письмо с признанием в любви, ей 17 лет. Об этом мы узнаем из ответа Пушкина на «критику» Вяземского:

«Онегин нелюдим для деревенских соседей; Таня полагает причиной тому то, что *в глуши, в деревне все ему скучно* и что *блеск* один может привлечь его... если, впрочем, смысл и не совсем

¹ Все даты даются по старому стилю.

точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной!»

Ольга Ларина на год или два младше Татьяны. Она невеста Ленского, и «по нормам той эпохи <...> ей не могло быть меньше 15 лет», следовательно, она родилась в 1807 или 1808 году.

1815 год — время появления Онегина в свете.

Зима 1819 — лето 1823 года — время действия первой главы романа.

Исследователи, считающие, что действие первой главы оканчивается летом 1820 года, объясняют это тем, что «часто летнею порою» Пушкин и Онегин могли гулять по Петербургу только в 1820 году.

Ю. Лотман писал:

«В строфах L и LI содержится намек на то, что отъезд героя в деревню был по времени близок к насильственному удалению Пушкина из Петербурга. Пушкин выехал в ссылку 6 мая 1820 года».

При таком несколько упрощенном подходе незамеченным остается присутствие в романе «вымышленного» героя, еще одного «поэта», который, «вместе» с Пушкиным, рассказывает о событиях, рассуждает о жизни, размышляет, спорит с Пушкиным...

«...В поэтике Пушкина весьма часто одним из самых проблемных и сложно организованных мест произведения оказывается *позиция автора-рассказчика* (вспомним “Повести Белкина”, “Историю села Горюхина”, “Капитанскую дочку”). Иногда Пушкин даже “маскирует” присутствие автора-повествователя — как, например, в “Путешествии из Москвы в Петербург”: путь к действительному пониманию этого произведения открылся только тогда, когда было установлено присутствие в нем не замеченного ранее персонажа — “автора-путешественника”, чье повествование прежде воспринималось как исходящее непосредственно от самого Пушкина. В этом свете легче понять и “загадку автора” в романе “Евгений Онегин”: здесь перед нами <...> вполне определенная художественная реальность сосуществования двух голосов — повествования “автора” и лирического “я” самого Пушкина, —

писал А. Тархов.

Следует думать, что вымышленный герой, Онегин Евгений, гуляет по Петербургу с таким же вымышленным героем, «поэтом», «рассказчиком», «автором», который так же не похож на Пушкина, как и Онегин (при некотором сходстве) не похож на Пушкина, что и «декларируется» в романе:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторил потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

Лето 1823 года — действие второй и третьей глав романа.

Лето 1823 — зима 1823 или первые дни 1824 года — действие четвертой главы.

Сцена объяснения Татьяны и Онегина в саду происходит летом или, скорее — в начале осени. В конце главы — «Уж небо осенью дышало...»; потом — «Стоял ноябрь уж у двора...»; наконец — «И вот уже трещат морозы». Финал главы — грань 1823–1824 годов: Ленский передает Онегину приглашение Лариных «в субботу» на именины Татьяны: «Ты к ним на той неделе зван». Если суббота 12 января — Татьянин день — «на

той неделе», стало быть, разговор происходит в какой-то из дней с воскресенья 30 декабря 1823 года по субботу 5 января 1824 года.

Ночь со 2 на 3 января по 12 января 1824 года — время действия пятой главы.

В пятой главе описаны гадания в доме Лариных между ночами на 4–6 января, в так называемые «страшные вечера» (между Васильевым днем и Крещением).

Ночь 5 на 6 января — сон Татьяны.

12 января 1824 года — именины Татьяны.

12 января, вечер — 14 января 1824 года — время действия шестой главы. Она начинается строфой, рисующей завершение бала в доме Лариных. Основное ее событие дуэль и смерть Ленского — 14 января 1824 года.

Рассказ о «горожанке молодой», которая останавливается перед могилой Ленского, не играет роли собственно хронологической пометы и может быть отнесен к лету любого близкого к дуэли года, начиная с 1825, когда в деревне уже нет ни Ольги, ни Онегина, ни Татьяны:

<...> что-то с Ольгой стало?
В ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слез прошла пора?
И где теперь ее сестра?
И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудак,
Убийца юного поэта?

Весна 1824 — конец зимы 1825 года — время действия седьмой главы. Она и начинается описанием весны:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

Это весна того же 1824 года, потому что в V строфе читаем:

Пойдемте слушать шум дубравный
Над безыменной рекой
В деревне, где Онегин мой,
Отшельник праздный и унылый,
Еще недавно жил зимой...

И в дом Онегина Татьяна приходит летом того же «дуэльного» 1824 года.

В том же году выходит замуж Ольга Ларина.

В том же году (это прямо следует из текста главы) «старушка» Ларина решила

В Москву отправиться зимой.

И по зимнему пути, — вероятно, уже в феврале следующего 1825 года («Отъезда день давно просрочен, // Проходит и последний срок»), — Ларины действительно отправляются в Москву, везут Татьяну на «ярманку невест».

Весна или лето 1824 года — осень 1830 года — путешествия Онегина.

Онегин едет в Москву, потом — в Нижний Новгород, Астрахань, на Кавказ и, наконец, посещает Тавриду (Крым), добирается до Бахчисарая, где в сентябре 1820 года побывал и Пушкин:

Скажи, Фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я вообразал
Средь пышных, опустелых зал...
Спустя три года, вслед за мною,

Скитаясь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне.

Почему Онегин вспомнил Пушкина именно в Бахчисарае? Да потому, вероятно, что 10 марта 1824 года, то есть спустя три с половиной года после пребывания там Пушкина, вышла его поэма «Бахчисарайский фонтан»... Сам же поэт до 31 июля 1824 года «жил... в Одессе». Здесь, как принято думать, Онегин и встретился с Пушкиным; ссылаются при этом на следующие строфы:

<...> Каким же изумленьем,
Судите, был я поражен,
Когда ко мне явился он!
Неприглашенным приведеньем —
Как громко ахнули друзья
И как обрадовался я! —

*

[Святая] дружба! — глас природы — !!
Взглянув друг на друга потом,
Как Цицерононы Авгуры
Мы рассмеялися тишком —

— —
— —
— —

НО:

<Недолго вместе мы бродили>
<По берегам Эвксинских вод>
Судьбы нас снова разлучили
И нам назначили поход
Онегин очень охлажденный
И тем что видел насыщенный
Пустился к невским берегам
А я от милых Южн<ых> дам
От <жирных> устриц черноморских
От оперы от темных лож
И слава богу от вельмож
Уехал в тень лесов Т<ригорских>
В далекий северн<ый> уезд
И был печален мой приезд

Пушкин действительно отправился из Одессы «в тень лесов Тригорских», в Михайловское: началась северная ссылка. Это бесспорный факт биографии поэта.

А вот о «встрече» Пушкина с Онегиным в Одессе... можно говорить как о «несостоявшейся»: в романе, как он был издан Пушкиным, ее нет.

Приведенные строфы — черновые! Они не включены Пушкиным (и не по цензурным соображениям!) в беловой текст романа; они отражают *оставленный* замысел!

Здесь необходимо подумать о важной, актуальной проблеме анализа пушкинских рукописей.

В. Непомнящий писал:

«...Следовало бы заново и всерьез поставить вопрос об авторской воле Пушкина, решительно отделив эту проблему от вопроса о соображениях цензурного порядка: слишком часто связывание этих разных проблем дает поводы для более или менее фантастических проектов реставрации текстов, которые Пушкин изменил собственноручно, неважно, по каким соображениям. Хорошо известно, что ничей авторитет или нажим не мог заставить его пойти наперекор своей совести и подвергнуть текст искажающим или определенно нежелательным изменениям <...> Учитывая все, что нам известно об отношении Пушкина к своему творческому труду, неизбежно следует признать: если он, по каким бы то ни было причинам, сделал в тексте изменения и счел его в таком виде годным к опубликованию, а не оставил в бумагах <...> стало быть, такова его

последняя воля, являющаяся для нас законом. Думается, “Евгений Онегин”, как он опубликован и переиздан автором, не входит в число исключений, которые вообще немногочисленны и лишь подтверждают правило».

Но исключения, пусть немногочисленные, есть. И мы не собираемся их игнорировать.

За пределами белового текста романа осталась не только встреча героя и автора в Одессе (насколько можно судить по черновикам, не по цензурным соображениям исключенная из романа), но и кое-что другое.

П. Катенин сообщал:

«Об восьмой главе Онегина слышал я от покойного в 1832-м году, что сверх Нижегородской ярмонки и Одесской пристани, Евгений видел военные поселения, заведенные гр. Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению, и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую, и как бы оскудевшую».

Если верить А.И. Тургеневу, в «Евгении Онегине» было также и описание событий 14-го декабря 1825 года — тема запретная!

Проблема, конечно, сложна, но о том, что Пушкин не по собственной воле отчасти изменил свои намерения, несомненно свидетельствует факт шифровки некоторых не вошедших в роман строф. Иначе — зачем их было шифровать?

Тем не менее факт остается фактом: «Евгений Онегин» как художественное целое, живущее по своим внутренним законам, существует без строф, оставленных в черновиках, и, говоря о хронологии романа, мы обязаны опираться лишь на беловой, опубликованный текст.

Беловой же текст позволяет думать, что Онегин не сразу после путешествия по южной России «пустился к невским берегам», а продолжил свои странствия.

Может быть, он увидел наконец «чуждые страны» (о чем подумывал раньше — см. строфу LI первой главы) и вернулся — в прямом смысле — «с корабля на бал»? Догадки на этот счет, конечно, бесплодны, хотя небезынтересно отметить: Достоевский, к примеру, был уверен, что Онегин «скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным».

Как бы там ни было, проанализированные факты и указания белового текста говорят о том, что Онегин возвратился в Петербург осенью 1830 года.

Значит, странствия длились около шести лет...

В столь долгих путешествиях в те времена не было ничего невероятного: грибоедовский Чацкий странствовал три года, герой драмы Кюхельбекера «Ижорский» — пять лет. Немало и других примеров.

Однако вернемся к нашему «календарю».

1828 год — замужество Татьяны (в этом же, кстати, году вышла замуж за Н. Павлицева сестра Пушкина Ольга Сергеевна).

Некоторые комментаторы считают, что Татьяна вышла замуж вскоре после приезда в Москву, и такое предположение, на первый взгляд, оправдано: Ларины собирались провести в Москве всего один сезон, да и окончание главы как будто предполагает быстрое замужество Татьяны: «...здесь с победою поздравим Татьяну милую мою...».

Но, во-первых, на светском языке «победа» — не обязательно брак.

Во-вторых, в заключительных строках седьмой главы слышна ирония, даже сарказм — не к Татьяне, конечно, относящиеся, а к свету, к читателям, которые и впрямь могли расценить «победу» небогатой провинциальной барышни над генералом как удачу, как счастье.

Наконец, отметим: Татьяна решилась выйти замуж (хочется сказать: «смирилась замуж») после долгих уговоров («молила мать»), когда «все были жребии равны», когда не осталось никаких надежд связать свою судьбу с судьбою любимого человека.

И Татьяна смирилась...

Но и через два года после замужества (князь, ее муж, говорит Онегину, что женат на Татьяне «около двух лет») Татьяна по-прежнему любит Онегина и признается ему в этом:

«Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

Ко времени возвращения Онегина в Петербург Татьяне около 24 лет; возраст, когда она, прожив в столице около пяти лет, могла быть и «неприступною богиней//Роскошной царственной Невы», и «законодательницей зал», и хозяйкой модного салона...

Осень 1830 — весна 1831 года — время действия восьмой главы и окончание романа «Евгений Онегин».

Таким образом, в романе изображено русское общество в интереснейший момент своего развития, в эпоху, определяемую хронологическими рамками 1815–1831 годов.

Не менее важно отметить, что «календарь «Евгения Онегина» свидетельствует: время в романе (по главам) движется, постоянно приближаясь, к реальному времени начала работы над этими главами, переходит эту грань и совпадает со временем их написания. Иначе говоря, структура романного времени напоминает дневник, в котором фиксируются важные события недавнего прошлого и настоящего. Время в романе корректируется в процессе работы над романом.

Отметим еще одну, как представляется, существеннейшую особенность: *хронология важнейших событий романа: 1819/1820 — 1823/1824 — 1828 — 1830/1831 годы — совпадает с периодами духовных кризисов в жизни Пушкина.*

Именно проблемы духовной жизни автора и его героев, связанные с поисками ее цели и смысла, и являются важнейшими в романе «Евгений Онегин».